

Н. К.
МИХАЙЛОВСКИЙ

Николай Константинович Михайловский
Ан. П. Чехов. В сумерках.
Очерки и рассказы, СПб., 1887.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2447525

Н. К. Михайловский. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

«Очень подходящее заглавие выбрал г. Чехов для нового маленького сборника своих рассказов. В целом они действительно напоминают сумерки, когда замирающий свет не дает глазу резких контуров и определенных красок, когда эта своеобразная незаконченность образов, оборванность перспектив, смутность освещения вызывают в вас странное, хотя и всем знакомое чувство тихой, ленивой и в конце концов приятной грусти...»

Содержание

1
2

11
13

Николай Константинович Михайловский Ан. П. Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы, СПб., 1887

Очень подходящее заглавие выбрал г. Чехов для нового маленького сборника своих рассказов. В целом они действительно напоминают сумерки, когда замирающий свет не дает глазу резких контуров и определенных красок, когда эта своеобразная незаконченность образов, оборванность перспектив, смутность освещения вызывают в вас странное, хотя и всем знакомое чувство тихой, ленивой и в конце концов приятной грусти. В этом чувстве, несмотря на его смутность, есть что-то самодовлеющее. Вы знаете, что вот эта аллея, вдруг обрывающаяся полумраком, тянется, должна тянуться и дальше, пока не упрется в калитку, в открытое поле, в пруд, но вы не ищете этого продолжения или конца: бог с ними, и так хорошо смотреть, довольствуясь намеком на продолжение. Вон полуосвещенное человеческое лицо, угол балкона, затянутый тенью, — и хорошо, и не надо лампы, которая докончит контуры и осветит углы. Любопытствующее желание полноты картины чем-то точно придавлено, глаз ле-

ниво нежится, мысль не тревожится вопросом: а там что? дальше-то? В другое время непременно бы взгляделся в это полуосвященное лицо, потому что оно, кажется, очень интересно; непременно бы проследить эту аллею до конца, потому что она, кажется, красива и заманчива, но теперь, в сумерки, ничего этого не надо, На душе тихо, хорошо, хотя и отнюдь не весело, и тем более не смешливо. Если в этакую пору разговоры разговаривать, так пусть они будут тихие, грустные, отрывочные, вопросы без ответов, ответы без вопросов, рассказы без начала и конца, фабулы без развязки: не хочется, не интересно, лень развязывать какие бы то ни было узлы, – хорошо и так...

Г-н Чехов талантливый человек, талант его своеобразен и симпатичен, но до сих пор достаточно выяснилась только одна сторона этого своеобразного и симпатичного таланта, сторона, для которой сам автор подсказывает характеристику заглавием своего нового сборника, – сумеречное творчество. Именно сумеречное и, значит, пожалуй полу-творчество^[1]. Г-н Чехов только завязывает узлы и никогда их не развязывает. Он покидает своих героев всегда в самую критическую минуту, когда коллизия обстоятельств их жизни достигает высшей степени сложности и трагизма; он – *laisse á deviner*¹ всю дальнейшую, несомненно интересную судьбу его действующих лиц. Но особенность его таланта состоит в том, что читатель довольствуется этим оборванным

¹ заставляет угадывать (фр.). – *Ред.*

рассказом и ничего не пытается угадывать, – хорошо и так. В этом и сила, и слабость г. Чехова. Сила, потому что, конечно, дорогого стоит эта редкая способность так осенить думу читателя сумеречным настроением, что он довольствуется обрывками, как целым, незаконченным, как законченным, получая при этом своеобразно цельное художественное наслаждение. Слабость, потому что у этой медали есть обратная сторона: так мало заинтересовывает читателя г. Чехов своими действующими лицами, что ему, читателю, нисколько не жаль, когда эти действующие лица, чуть не на полуслове, но на самом интересном полуслове, исчезают бесследно, уступая место новым действующим лицам в новом сумеречном очерке.

Вот содержание некоторых рассказов.

Рассказ «Ведьма». – Поздний вечер, в поле буря, метель, а в церковной сторожке идет странный разговор между плюгавым, неприятным дьячком и молодой, красивой дьячихой, вышедшей за него замуж отнюдь не по склонности, а просто для того, чтобы, после смерти дьячка-отца, за ней место дьячковское осталось. Заслышав в поле колокольчик, приворачивающий к сторожке, дьячок высказывает давно уже зародившуюся у него мысль, что жена его – ведьма, которая, «когда в ней начинает играть кровь», поднимает непогоду, а непогода загоняет в сторожку проезжих, и все молодых. Действительно, и на этот раз буря и метель загоняют в сторожку молодого почтальона с почтой. Почтальон только обо-

грелся, вздремнул, расспросил дорогу и поехал дальше, но за это короткое время успел все-таки обменяться несколькими ласкающими словами и даже жестами с дьячихой. После его отъезда дьячиха, в которой этот мимолетный эпизод разбудил неудовлетворенное чувство, свирепеет на постылого мужа и горько клянет свою несчастную судьбу. А дьячок, все продолжая укорять ее за колдовство, замечает в себе в то же время прилив особенно нежного чувства к этой «ведьме». Но на его попытку супружеской ласки дьячиха отвечает ударом локтем в переносицу...

Рассказ «Верочка». – Молодой человек, Огнев, прожив некоторое время по делам в деревне, в незнакомом дотоле семействе, уезжает. До города он идет пешком, и его провожает Вера Гавриловна, Верочка, молодая девушка, к которой он очень привык за время своего житья в деревне и которая ему очень нравится. Дорогой Верочка смущенно и затрудненно объясняется ему в любви, а он, не ожидавший этого и вдобавок нравственно истрепанный жизнью, глупо теряется, и они расстаются, – он, проклиная свою глупость и «собачью старость», уходит в город, а она – домой...

Рассказ «Агафья». – Молодой пастух Савка, ленивая, по-этическая натура, чем-то очень нравится бабам. Он и сам до них падок, хотя вместе с тем относится к ним пренебрежительно и свысока. Из-за баб у него постоянные истории до порок в волостном включительно. Приворожил он, между прочим, Агафью Стрельчиху, совсем молодую бабенку, все-

го год как замужем за молодым же стрелочником на железной дороге. Приходит Агафья ночью на свидание к Савке, приходит и запаздывает домой, так что возвращаться ей приходится утром, при солнечном освещении, и муж, прождав и проискав ее всю ночь, ждет ее на дороге. Муж и жена видят друг друга, оба знают, в чем дело. Смущенная жена остановилась было и присела, но потом «вдруг вскочила, мотнула головой и смелой походкой направилась к мужу. Она видимо собралась с силами и решилась»...

Познакомившись с этими тремя рассказами даже в нашем сухом и беглом изложении, читатель все-таки может быть заинтересуется: дескать, ну как же дальше жили дьячок с «ведьмой», пожаловался ли он на нее попу-духовнику, как угрожал, сбежала ли она от него, были ли еще встречи вроде как с почтальоном или так все и замерло в якобы семейной тиши и глади? Как «Верочка» после неудачного объяснения в любви коротала свой век? Как встретились Агафья Стрельчиха и ее муж? Убил он ее или прибил, выругал, простил? Какие она слова говорила?.. Никаких таких вполне естественных вопросов при чтении сборника г. Чехова не возникает, – и так хорошо...

Условно, однако, хорошо. По поводу первого сборника очерков г. Чехова («Пестрые рассказы») в «Северном Вестнике» было уже, упомянуто о том газетном много- и скорописании, которое не доведет талантливого автора до добра^[2]. Мы, может быть, уже присутствуем при начале ис-

полнения этого печального предсказания. Или, по крайней мере, новые его очерки и рассказы с еще большею настоятельностью наводят на мысль об чрезмерной торопливости. Взять хоть бы ту же «Ведьму». Полежи она лишнюю неделю в письменном столе у автора, дай он себе потом труд перечитать ее еще раз с карандашом в руках, – и, конечно, гневные речи дьячка не резали бы ухо своим спокойствием и вместе деланностью. Можно ли в самом деле допустить, чтобы дьячок, при вышеизложенных условиях, изливал свой гнев и предъявлял свое обвинение в таких, например, словах:

– Ведьма и есть ведьма! – продолжал Савелий глухим, плачущим голосом, торопливо сморкаясь в подол рубахи, – Хоть ты и жена мне, хоть я духовного звания, но я о тебе и на духу так скажу, как ты есть... Да как же? Заступи, господи, и помилуй! В прошлом годе под пророка Даниила и трех отроков была метель и – что же? – мастер греться заехал. Потом на Алексея божьего человека, реку взломало и урядника принесло... Всю ночь тут с тобою проклятый калякал, а как наутро вышел, да как взглянул я на него, так у него под глазами круги и все щеки втянуло! А? В Спасовку два раза гроза была и в оба раза охотник ночевать приходил. Я все видел, чтоб ему пропасть! Все! О, красней рака стала! Ага!

– Ничего ты не видал...

– Ну да! А этой зимой перед Рождеством на десять мучеников в Крите, когда метель день и ночь стояла... пом-

нишь? Писарь предводителя сбился с дороги и сюда, собака, попал...

Очевидно, что обвинительная речь дьячка слишком спокойна и слишком дьячковская для человека в положении Савелия, решившегося обвинять жену в целом ряде измен, да еще при помощи бесовских средств. Г-н Чехов так торопился сдать свой набросок в типографию или в редакцию, что не успел проникнуть в существо им самим созданного образа и ухватился за такую внешнюю подробность, как звание дьячка. Дьячок может быть и в самом деле записывает в сердце своем и «пророка Даниила и трех отроков», и «Алексея божьего человека», и «Спасовку», и «десять мучеников в Крите», но ведь это последнее дело, что Савелий – дьячок. Он – оскорбленный человек, обезумевший от ревности и суеверных мыслей, он – грозный и страстный обвинитель, которому читатель охотно простил бы забвение всего, что может и должен помнить дьячок.

И потом, как бы ни были приятны сумерки и сумеречное настроение души, но они были бы и скучны, и неудобны, и, прямо сказать, бесчеловечны, если бы тянулись постоянно. Именно бесчеловечны, потому что уж и теперь какая же это человечность, если вы, на минуту заглянув в церковную сторожку, где мучатся и друг друга мучат дьячок с дьячихой, в смятенную душу Верочки, в души Агафьи и ее мужа, тотчас же отходите прочь, не интересовываясь дальнейшей судь-

бой этих страдальцев, не задумываясь над ней? Вам хорошо в вашем ленивом и нелюбопытствующем спокойствии, но другим-то каково с вами и около вас жить? Все очерки, вошедшие в лежащий перед нами томик, написаны на темы, от которых так или иначе отдает болью и скорбью, но, благодаря сумеречному творчеству талантливого автора, вы получаете известное эстетическое наслаждение, а боль и скорбь идут как бы мимо вас, по крайней мере мимо вашего сознания, лениво и безучастно довольствующегося красивой картинкой без перспективы, занимательным началом без конца, трагической завязкой без развязки.

Было бы очень желательно, чтобы г. Чехов попробовал зажечь в своем кабинете рабочую лампу, которая осветила бы полуосвещенные лица и разогнала бы полумрак, затягивающий абрисы и контуры. Говоря без метафор, мы желали бы видеть цельное, законченное произведение г. Чехова. Может быть он стихийным образом осужден свойствами своего таланта на сумеречное творчество, но может быть ему предназначено и большее...

comments

Комментарии

1

...сумеречное творчество. Именно сумеречное и, значит,

пожалуй полу-творчество. – См. ниже отзыв В. П. Буренина на эти оценки (с. 276).

2

По поводу первого сборника очерков г. Чехова («Пестрые рассказы») в «Северном вестнике» было уже упомянуто о том газетном много- и скорописании, которое не доведет талантливого автора до добра. – Рецензия А. М. Скабичевского (без подписи) на «Пестрые рассказы» Чехова была напечатана в «Северном вестнике» (1886, № 6, раздел «Новые книги»).